

БЛОКАДЫ ШКОЛЬНЫЕ УРОКИ КО ДНЮ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Мне довелось познакомиться с дневниками «Блокадная исповедь» старшей учительницы русского языка и литературы Клавдии Фёдоровны Семёновой. Это примерно около ста стандартных страниц. Далеко не все они собственно о блокаде: немало отступлений личного, семейного, характера; есть большой пролог – путь в Ленинград из Лужского района, когда немцы уже надвигались на псковские рубежи, немало страниц, посвященных и довоенным, и послевоенным событиям. Нет какой-то определяющей линии. Если не вдаваться в разного рода отступления авторского характера, то перед нами относительно последовательный рассказ о том, как для молодой ленинградской школьной учительницы, матери двух девочек-близняшек, сперва началась блокада, затем – о ее продолжении и преодолении, и, наконец, о подробностях снятия блокады и Дня Победы 9 мая 1945 года.

В тексте немало метких психологических наблюдений, довольно точных и порою красочных описаний природы, но есть и довольно строгие ссылки на художественные и документальные произведения. Научно-исследовательская литература не упоминается.

Вероятно, какие-то заметки, наброски, черновики Клавдия Федоровна делала по горячим следам событий, другие носят черты последовавших десятилетий, примерно до середины 70-х годов XX века. Возможно, к некоторым страницам своих дневников она возвращалась несколько позднее, потому как в тексте мелькнула фраза: «Пишу эти строки в 75 лет...» Значит – где-то в 1980 году!

О Клавдии Фёдоровне можно было бы писать геронтологический очерк: она прожила почти 104 года – почти безвыездно на невском берегу, в городе. А если учесть, что примерно на трети её жизненного пути была блокада, то это тем более удивительно!

Судя по всему, жила она очень скромно, но одновременно одухотворенно. Нет сомнения, что при благоприятных условиях К.Ф. Семенова могла бы развить свои литературные способности, пройти литературно-творческую учёбу, но кроме нескольких проб пера о сельской жизни ещё в довоенные годы и послевоенного дневника написать ей ничего не удалось. Всё время было поглощено заботой о делах школьных и домашних.

Для данной публикации я выбрала лишь несколько страниц. Чтобы текст был связным, понятным, пришлось провести кое-какие сокращения – но задача, чтобы блокадные школьные будни были, в итоге, даны, выражаясь кинематографическим языком, крупным планом, была выполнена.

ПЕРВАЯ БЛОКАДНАЯ ЁЛКА НОВОГОДНЯЯ

«В своей школе я получила на детей два билета на ёлку, которая

была организована в 72-й школе по адресу: 11-я Красноармейская улица. Число праздника припомнить точно не могу, но и сейчас ясно вижу тот вечер. С большим трудом добрались мы с мамой и с двумя детьми (их пришлось нести на руках) до школы. Путь вроде бы недалёк, но ноги передвигаются с трудом, на руках – по-зимнему одетые дети. Раз два отдохнув на сугробах, мы добрались до школы. Она стояла с затемнёнными окнами, но в ней слышался какой-то шум, было какое-то движение. Прошли мы по коридору, не раздеваясь, в зал. Там было много детей. Они стояли группками. Пришли учителя, увели ребят в столовую, где был приготовлен обед, а потом ребят повели в другой зал, где стояла наряженная ёлка. На ней горели синие лампочки, небольшая ёлка вся сверкала игрушками. Около ёлки ребята получили (по билету) подарок: немного конфет, печенья, несколько маленьких мандаринчиков. Это было настоящим чудом для маленьких ленинградцев!»

ЧТО ДЕЛАЛИ УЧИТЕЛЯ, КОГДА РЕБЯТА НЕ УЧИЛИСЬ

«284-я школа на Измайловском проспекте пустовала. В ней жили только завхоз со своей семьёй. Директор и завуч приходили только на дежурства и за получением карточек... Дошла я до школы. Там дежурила одна уборщица. Многие школы с зимы 1941 были законсервированы. Учителя использовались на различных работах: дежурили в госпиталях, писали письма, читали их раненым, читали вслух газеты, другим поручалось брать к себе домой бельё для починки, третьи дежурили в школах, в РОНО, порою занимались даже мелким ремонтом школьных зданий: например, закладывали бреши кирпичами, забивали рамы фанерой. Мне лично запомнилось одно дежурство в РОНО, которое тогда находилось на 1-й Красноармей-

Фото www.gandex.ru

ской улице. Зав. РОНО Потапова работала в своём кабинете, а я дежурила в бывшей канцелярии. Вдруг начался артобстрел. Снаряд попал в наше здание, загорелись провода. Тушили мы пожар вдвоём какими-то тряпками, вытасканными из кладовки.

...Весной мне дали указание поработать на курсах, организованных для рабочих строительного отряда. Три раза в неделю я проводила двухчасовые занятия, а план составила сама – по результатам первого же проведённого мною диктанта. На этих курсах я работала месяца полтора, а потом помогала библиотекарше в её профессиональных делах. Иногда я брала с собой в библиотеку дочек: там были и детские книжки, журналы с картинками, которые девочки с интересом рассматривала: ведь им уже шёл пятый год...»

ВМЕСТО ШКОЛЬНОГО ЗВОНКА ПРОГРЕМЕЛ СНАРЯД

«Незабываем осенний день 1943 года, когда многие из нас, учителя и дети, были на волоске от гибели. На третьем этаже я занималась с детьми четвёртого класса, а в смежном помещении вела урок Клавдия Васильевна с ребятами третьеклассниками. Вдруг с грохотом и свистом в

класс моей коллеги влетел снаряд! Он пробил юго-западную стену класса, выходящую на 12-ю Красноармейскую улицу, и ушёл под пол. От сотрясения обрушилась штукатурка. Дети в ужасе вскочили из-за парт. С трудом удалось их, побелевших от страха, организованно вывести из классов в коридор. И ребята, и учительницы были все в штукатурке. По лестнице к нам бежали директор и завуч. Они потребовали, чтобы мы спустились в бомбоубежище. Через два часа нам было велено отправляться по домам. А снаряд? Он не разорвался. Приехавшие минёры его обезвредили и увезли. Трудно себе представить возможные последствия такого взрыва!

Так я и вела занятия – под обстрелами, в бомбоубежищах, где висели классные доски, стояли парты. Учителя из методкабинета приносили с собой книги, картинки, карты... До сих пор стоят перед глазами школьники той поры – худенькие, с бесцветными или серыми лицами, кое-как одетые, очень тихие, разучившиеся бегать и смеяться.»

ПОБЕДА ПРИБЛИЖАЛАСЬ К НАМ

«...Вот и настал новый, 1944-й год. На этот раз ёлка пришла к

нам домой. Не сама, конечно: её подарила моим дочкам новая директриса Анисья Георгиевна Савина. Чудом сбереглись у нее ёлочные игрушки, а конфеты я получила по карточке.

А следующий год был уже победным! Ясно вижу день, когда ленинградцы заполнили Московский проспект встречать воинов-освободителей. Сколько было ликования! Сколько цветов! Мои дочки были тоже с букетами ромашек. Надя вручила букетик бойцу, который её высоко поднял на руках, а Вера кому-то бросила букетик, но он упал под ноги...»

Вот, собственно, и все чисто школьные, чисто блокадные страницы довольно-таки большого дневника. На просьбы поведать о блокадной поре поподробнее Клавдия Фёдоровна неизменно отвечала: «Уроки как уроки: грамматические правила, диктовки, разбор предложений. Вот обстоятельства были невероятно сложными и небывальными! А учительский труд, в сущности, оставался прежним. Он не может надоесть, если ты его любишь!» Клавдия Фёдоровна свой труд очень любила, и любовь ту пронесла через всю свою очень-очень долгую жизнь.

Марина КУЗНЕЦОВА